

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ*

Рассматриваются сложившиеся экономические условия воспроизводства в сельском хозяйстве, направления и механизмы их оптимизации. Особое внимание обращается на продолжающуюся практику необоснованного изъятия из отрасли созданного крестьянским трудом национального дохода в пользу субъектов монопольного окружения села, а также и государства. Предлагаются меры по оптимизации экономических условий воспроизводства, направленные на преобразование условий труда и качества жизни в современной российской деревне на основе радикального обновления производственного потенциала сельского хозяйства, обеспечения социально справедливой оплаты крестьянского труда и приведения в новое качественное состояние сельской социальной и инженерной инфраструктуры.

Ключевые слова: *экономические условия воспроизводства, деградация ресурсного потенциала села, «перекачка» доходов сельского хозяйства, аграрный протекционизм, оптимизация рентабельности СХО, поддержка аграрных цен, аграрное законодательство.*

Процесс воспроизводства включает в себя органически взаимосвязанные составляющие: воспроизводство рабочей силы, средств производства, выпускаемой продукции, экономических отношений. В зависимости от характера и целенаправленного действия рыночных и государственных стимулов и регуляторов этого процесса, от соблюдения правил добросовестной конкуренции или, наоборот, монополистических устремлений условия воспроизводства характеризуются позитивными или негативными социально-экономическими изменениями, которые могут быть выражены количественными параметрами. Среди последних наиболее важное значение имеют абсолютные и относительные показатели валового и чистого дохода, оплаты труда и рентабельности, определяющие возможности качественного обновления и ведения производства на расширенной основе.

Причины и масштабы воспроизводственных деформаций

Анализ показывает, что складывающиеся сейчас экономические условия воспроизводства в сельском хозяйстве России вполне обоснованно можно характеризовать как крайне неблагоприятные и

* Статья подготовлена по результатам разработки проекта РГНФ №10-08-243а и проекта РФФИ №09-06-13508 ОФИ-ц

имеющие соответствующие последствия как для самого сельского хозяйства, так и для экономического и социального положения в стране в целом, прежде всего ее продовольственной безопасности. Национальный проект «Развитие АПК», целевые индикаторы «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы» в определенной степени способствовали улучшению этих условий. Но, объективно оценивая их нынешнее состояние, нельзя не прийти к выводу, что в стране «предприняты лишь первые робкие шаги в этом направлении» и что на деле сельское хозяйство не только не стало приоритетом экономической политики государства, но все более теряло свои позиции в ресурсном обеспечении, в том числе бюджетном финансировании»¹.

Об этом прежде всего свидетельствует сокращение на порядок доли аграрного бюджета по сравнению с «предреформенным» (до 1,05% в 2008 г.). Труд работников сельского хозяйства по качеству, сложности и условиям его применения сравним со средним по экономике. Однако оплачивается он на уровне ниже 50% среднего, и при сопоставимой его оценке в 1990 г. (95% к среднему по экономике) фактически сельское хозяйство перманентно убыточно - против 30% рентабельности до начала рыночных реформ. Фактически отрасль лишена собственных накоплений для расширенного воспроизводства и источников для погашения кредитной задолженности, достигшей астрономической суммы свыше 1 трлн. руб. «Экономия» на вдвое заниженной оплате труда подрывает мотивацию к росту его производительности и «стимулирует» отток из села трудоспособного населения, молодежи, ослабляя и без того деградированный трудовой потенциал российской деревни.

Представители властей, государственных ведомств, особенно финансисты страны, пытаясь доказать, что принцип приоритетности сельского хозяйства соблюдается, приводят многочисленные данные о росте, «по сравнению с прошлым годом», абсолютных показателей бюджетной поддержки сельского хозяйства, составившей в 2008 г. по всей совокупности преференций, дотаций и компенсаций 182 млрд.

¹ Буздалов И.Н. Сельское хозяйство как приоритетное направление господдержки. //АПК: экономика, управление. 2009 г. № 4. С. 5-6.

руб.², размеров кредитования, оплаты труда, так называемой «фактической» рентабельности (исчисляемой, повторяю, при необоснованно вдвое заниженном уровне этой оплаты). Но именно эти показатели являются наглядным отражением «робких шагов» нормализации экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве, в обеспечении его действительно приоритетного развития.

Поэтому, на наш взгляд, научный анализ проблемы надо начинать не со скромных «добавок» к сохраняющемуся до сих пор основанному на остаточном принципе бюджетному финансированию сельского хозяйства, в том числе в форме субсидирования затрат на удобрения, горючее, применение техники и т.д. (хотя это само по себе тоже важно). Серьезный научный анализ, во-первых, предполагает использование сравнительных показателей межотраслевого макроэкономического уровня, соответствующих индикаторов стран с высокоразвитым сельским хозяйством и, во-вторых, определения, с одной стороны, величины и доли создаваемого в сельском хозяйстве национального дохода, и, с другой стороны, того, сколько «в остатке» реально достается российскому крестьянству из этого дохода. Только при таком подходе к анализу можно, в конечном счете, объективно оценить фактические экономические условия воспроизводства в отрасли и действительную роль государства в их формировании и регулировании.

По данным официальной статистики в 2008 г. валовая продукция отрасли оценивалась в 2,6 трлн. руб. в «действующих ценах», из которой в тех же ценах ее реализация составляла 830 млрд. руб. Но эти показатели не отражают ни действительной ее стоимости, ни созданного в отрасли национального дохода и всего ВВП, величину которых необходимо определять в розничных ценах за минусом издержек обращения (транспорт, хранение, торговля) и затрат по переработке сельхозпродукции. Так, за проданный хозяйствами переработчикам или посредникам 1 кг молока в лучшем случае сельхозпроизводители в том же году получали 7 – 8, иногда 10 руб., а населению оно реализовывалось почти за 40 руб. Если издержки обращения и переработки в молочнопродуктовом подкомплексе составляют те же 7 – 8 руб. (для убедительности расчетов примем их на заведомо завышенном уровне в 11 – 13 руб.), то изъятая из сельского хозяйства его монопольным окружением доля стоимости валовой

² Включая суммы, выделенные Росагролизингу и Россельхозбанку. Из оставшихся 136 млрд. руб. бюджетных средств лишь около 40 млрд. получили непосредственные сельхозпроизводители.

продукции отрасли на каждый килограмм молока составит минимум 20 руб. А это значит, что действительная стоимость, соответственно, цена 1 кг молока, полученного сельхозпроизводителями, не менее 27 – 28 руб. или в три с лишним раза выше показанной статистической отчетности по реализации данного вида продукции.

В том же году себестоимость 1 кг молока в СХО в среднем по стране составила 8,2 руб., закупочная цена 9,4 руб., прибыль 1,2 руб., рентабельность (при той же вдвое заниженной оплате труда) около 15%, а при сопоставимой его оценке производство молока также осталось убыточным. В то же время, около 19 руб. от каждого литра молока его действительной стоимости, созданной трудом сельхозпроизводителей, «присвоено» (в отличие от развитых стран Запада, где накопления фермеров в значительной мере образуются за счет поддержки аграрных цен) партнерами СХО – по производству конечной молочной продукции (заготовителями, переработчиками, посредниками, торговцами), а также непосредственно государством в виде налогов, в том числе на фактически убыточное сельскохозяйственное производство.

То же по другим видам продукции: зерновые закупаются по цене ниже 5 руб. за килограмм, а конечная продукция (хлебобулочные и другие изделия из муки) в сумме за 25-30 руб., мясо, соответственно, по 50-60 и 200-250 руб., яблоки в лучшем случае по 4 – 5 (иногда по 2 – 3 руб.), а реализуются в розничной сети по 40 – 50 руб. за кг и т.д. Таким образом, реализованная сельскими товаропроизводителями продукция сельского хозяйства составляла в 2008 г. около 3 трлн. руб., в том числе вновь создаваемая стоимость (или соответствующая доля в отрасли национального дохода) – 2,5 трлн. руб., прибавочная стоимость (включая земельную ренту) 2,3 трлн. руб. Если издержки в сфере обращения и переработки продукции сельским хозяйством в этой сфере принять в размере 800 млрд. рублей, т.е. превышающем фактические затраты самих сельхозпроизводителей, то 1,5 трлн. руб. прибавочной стоимости (в расчете на товарную часть валовой продукции сельского хозяйства) было создано в сельском хозяйстве.

Что оно получило или что в нем осталось от этой суммы? Прибыль (при «экономии» на вдвое заниженной оплате труда работников сельского хозяйства) составила немногим больше 100 млрд. руб., из которых примерно половину государство изъяло в виде налогов. Бюджетные назначения, все субсидии, дотации, компенсации и прочие «добавки», плюс оставшаяся в СХО прибыль составила около 240 млрд. руб. А это значит, что свыше 1,2 трлн. руб. произведенной трудом

селян вновь созданной стоимости присвоили субъекты монопольного окружения сельского хозяйства, включая финансовые, налоговые и прочие институты государства. И как при этом можно говорить о сельском хозяйстве как «черной дыре», домыслы о которой убедительно показаны академиком РАСХН Б.И. Пошкусом³. Наоборот, сельское хозяйство являлось и остается донором для субъектов монопольного окружения, включая государство. Фактически отрасль почти лишена необходимых собственных финансовых источников для осуществления воспроизводственного процесса на расширенной основе.

Источниками этих накоплений в основном являлись и являются кредитные ресурсы. В 2008 г. их сумма возросла почти до 300 млрд. руб., в том числе 1/3 из них - инвестиционные кредиты. Но эти непомерно дорогие кредиты, хотя частично субсидируемые, нужно возвращать. Вследствие показанной «перекачки» большинство СХО не имеет денежных доходов, следовательно, средств для возврата кредитов, если не считать таким источником «экономии» примерно в 150 млрд. руб. на ежегодной недоплате за труд на полях и фермах. Отсюда рост кредиторской задолженности СХО на 140-160 млрд. руб. ежегодно. Общая ее сумма в 2008 г. на 15% превышала всю выручку от реализации их продукции и в 20 раз оставшуюся в хозяйствах прибыль.

Отсюда, если не строить весь анализ на показателях по принципу «по сравнению с прошлым годом», а исходить из макроэкономических и международных сопоставлений, то этот анализ приводит к обобщающему выводу: современное российское сельское хозяйство поставлено в крайне неблагоприятные экономические условия воспроизводства, ведущие к его перманентному отставанию по всем основным абсолютным показателям, в том числе по уровню производства сельскохозяйственной продукции. Рост ее объема в последние годы в среднем на 2 – 3% заметно не влияет на общую негативную ситуацию в воспроизводственном процессе. «Рекордные» показатели 2008 г. лишь на 12% превышает уровень 1990 года, а по животноводству находятся ниже его почти на 20%.

В итоге даже при нынешнем засилии импорта (только за 2008 г. возросшего на 9 млрд. долл.), потребление основных продуктов питания в стране, особенно животноводческой продукции, не достигло рациональных норм потребления, а по некоторым основным видам (мясо, молоко, рыба и рыбопродукты, сахар и кондитерские изделия)

³ Пошкус Б.И. Сельское хозяйство – «не черная дыра». // Экономика сельского хозяйства России. 2007 г. № 8. С. 12-13.

уровня 1990 г. Для сравнения отметим, что в результате тщательно концептуально проработанных рыночных реформ в сельском хозяйстве Китая, проводившихся при масштабных протекционистских мерах государства по созданию необходимых экономических условий воспроизводства в отрасли, производство мяса за 1986-2001 гг. возросло в три с лишним раза, составив 63,4 млн. т. Всего за годы реформы в стране уровень душевого потребления мяса, рыбы и рыбопродуктов возрос в 5 раз, молока и молочных продуктов в 7 раз, овощей в 5 раз, фруктов в 10 раз⁴. Прогресс в сельском хозяйстве Китая оказал огромное влияние на общее развитие экономики, занятость и трудовую активность, следовательно, на темпы, на абсолютные масштабы производства, роль страны в глобальных мирохозяйственных процессах.

Основной причиной, вызывающей крайне неблагоприятные условия воспроизводства в сельском хозяйстве, определяющей показанную выше его низкую абсолютную результативность, эффективность, является технико-технологическая отсталость решающих элементов производственной базы, отсутствие заметных сдвигов инновационного обновления, тяжёлая демографическая ситуация на селе, плачевное состояние социальной и инженерной инфраструктуры села. Характеризуя первый год реализации Госпрограммы развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг., бывший Министр сельского хозяйства А.В. Гордеев, оперируя многочисленными цифрами («по сравнению с прошлым годом», например), как одно из достижений в этой реализации приводит данные о производстве сельхозтехники, поставках молодняка крупного рогатого скота⁵. К приведенным цифрам этих достижений можно добавить также рост поставок минеральных удобрений, зарубежных закупок породных, но не приспособленных к российским условиям животных и многое другое, касающееся состояния производственного потенциала сельского хозяйства. Действительно, только за 9 месяцев 2008 г. СХО приобрели 19,6 тыс. тракторов, 8,4 тыс. зерноуборочных комбайнов, против, соответственно, 16,7 и 7,1 тыс. единиц в 2007 г. Но, во-первых, при реализации этих поставок на 27 тыс. сельхозпредприятий и более 250 тыс. крестьянских (фермерских) хозяйств получается, что они даже не компенсируют износ этих видов техники.

⁴ Милосердов В.В. Вот бы нам китайских реформаторов. //Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008 г. № 8. С. 12.

⁵ Гордеев А.В. Реализация Госпрограммы развития сельского хозяйства – залог продовольственной стабильности страны. //АПК: экономика, управление. 2008. № 7.

В итоге, при запредельной изношенности машинно-тракторного парка его численность за 2007-2008 гг. по тракторам снизилась с 405,7 тыс. до 390 тыс., зерноуборочных комбайнов со 107,7 тыс. до 100 тыс.

Внесение минеральных удобрений, 90% производства которых экспортируется для повышения плодородия зарубежных фермеров, возросло за эти годы с 1941 тыс. т до 2050 тыс. т, а в расчёте на 1 га посевной площади с 33 до 35 кг, причем 59% этой площади вообще не удобряется. По оценкам самих сельхозпроизводителей, огромные затраты на закупку породных животных за рубежом, предусмотренную нацпроектом «Развитие АПК», вообще не окупаются, а собственное российское разведение приспособленных к местным условиям пород разрушается, а во многих случаях уже полностью разрушено. поголовье скота, за исключением поголовья овец, за эти годы сократилось и в сравнении с 1990 г. снизилось в 2 – 2,5 раза, по птице - в 1,6 раза.

Еще более острой остается ситуация в социально-трудовой сфере села. Это происходит в том числе и потому, что на 27% сельского населения приходится 5,3% общих в стране инвестиций против 16% в 1990 г. При этом на социальное развитие объем инвестиций не достигает 1,5%. Только 2% общих инвестиций в основной капитал берет на себя федеральный бюджет, из них на социальную сферу, согласно специальной программе ее развития до 2012 г., из этого бюджета выделяется 0,04%. И хотя «по сравнению с прошлым годом» показатели социального развития (среднемесячная номинальная заработная плата, среднедушевые располагаемые доходы домохозяйств, обеспеченность жителей газоснабжением и т.д.) возрастали, отставание от соответствующих показателей города остается крайне высоким. Оплата труда работников сельского хозяйства ниже чем в городе на 53%. Огромный разрыв и в других показателях, обуславливает низкую привлекательность, а в конечном счете и производительность сельскохозяйственного труда.

В общей структуре сокращается число занятых более квалифицированных, трудоспособных работников при общем продолжающемся ухудшении показателей сельской демографии. Растет интенсивность выбытия из села молодежи. В 2007 г. село покинуло 748 тыс. человек, из них 46% составила молодежь. Вместо нее в основном прибывают мигранты из государств Средней Азии, не имеющие необходимой профессиональной подготовки. Только за 2006-

2007 г. численность квалифицированных работников СХО сократилась на 11%⁶.

Качество трудового потенциала села во многом предопределяется условиями и качеством жизни, состоянием сельской социальной и инженерной инфраструктуры. Правда, ввод жилья в сельской местности в целом в последнее время возростал. Однако доля населения, проживающего в благоустроенном жилье, составляет всего 22% против 76% в городских поселениях. Удельный вес ветхого и аварийного жилья в сельской местности вдвое превышает городские показатели. По-прежнему значительным остается отставание уровня дошкольного воспитания в селе по сравнению с городом. Только за 2007 г. кадровый потенциал сельских дошкольных образовательных учреждений сократился на 10,6 %⁷. Не лучше ситуация в сельском здравоохранении. Ухудшились почти все показатели лечебно-профилактических учреждений на селе. Только за 2007 г. число больничных учреждений сократилось на 25,0%, сеть специализированных больниц - на 11,4%⁸. Растет отставание села от городских показателей по численности врачей и среднего медицинского персонала на каждую тысячу населения. В целом остается низким техническое состояние сельской социальной и инженерной инфраструктуры. Сложившееся общее состояние социально-трудовой сферы села, крайне неблагоприятные общие экономические условия ее воспроизводства предопределяют в конечном счете действительность и результативность всех факторов производства, всего производственного потенциала сельского хозяйства.

При оценке уровня и качества жизни в сельской местности, в частности оплаты труда и размеров среднедушевых располагаемых доходов домохозяйств, обычно ссылаются на дополнительный источник доходов, получаемых сельскими жителями от так называемого личного подсобного хозяйства, на самом деле являющегося особым частным семейным укладом жизнедеятельности на селе, причем никак не «подсобным», если реально учитывать его удельный вес в объеме производства и доходах сельской семьи. Часто наоборот - так называемое «общественное хозяйство» выполняет по отношению к приусадебному семейному подсобную роль, служит своего рода его

⁶ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. М.: МСХ РФ, ВНИЭСХ, 2009 г. Ежегодный доклад. С. 30, 31, 57, 101 и др.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

«обслуживающей инфраструктурой». Поэтому сравнительный анализ по категориям и формам хозяйства надо вести отдельно, и его системное проведение следует начинать с факторов и различий в экономических условиях воспроизводства в этой и других формах хозяйств, с мотивации и стимулов к труду занятых в них работников. Только прошедший жизненную школу труда в общественном, коллективном и в своем приусадебном семейном хозяйстве или только серьезный исследователь, способный в этом вопросе «спуститься на землю», знает и понимает принципиальное различие движущих сил развития этих форм.

Вопрос о роли и социальных функциях приусадебных семейных хозяйств (ПСХ) – специальная тема исследования, в освещении которой современная аграрная наука в России все еще «питается» догмами советского периода, механически повторяя «устоявшиеся» в этот период представления о данной форме хозяйства, как якобы «личной» и «подсобной», на самом деле - *частной семейной*. Здесь важно лишь подчеркнуть одно фундаментальное экономическое условие воспроизводства, определяющее эту роль, – последовательная и всесторонняя реализация действительно *личного* интереса, этого «главного двигателя производства», принципиально отличное от условия в СХО с наемным трудом и требующее отдельного анализа. *Но это интерес* не одного лица – главы ПСХ, а общий интерес всех членов семей, этой естественной и основной, кровно спаянной ячейки жизнедеятельности общества. Такой способностью, органическим единством не обладает ни одна другая искусственно созданная форма крупного хозяйства, объединяющего несколько или множество этих основных естественных ячеек с их особым частным интересом, доминирующим над так называемым «общественным интересом».

В приусадебном, равно как и крестьянском (фермерском), *семейном* хозяйстве его родственно связанные и объединенные прежде всего «своим», индивидуальным интересом члены работают непосредственно на себя и полностью пользуются результатами своего труда, в значительной мере обеспечивая собственную продовольственную безопасность, а в определенной мере, и городских родственников. В советские годы сталинского правления ПСХ не пользовались господдержкой, а наоборот, вместе с «общественным» хозяйством облагались непосильной налоговой «данью». В последующем ПСХ не испытывали на себе ни того, ни другого, а в последние годы даже стали пользоваться льготными кредитами, но по-прежнему без целевой бюджетной господдержки. В силу этого, и вследствие малых размеров

хозяйств, они носили и носят в основном потребительский характер. Но помимо этого признака они обладают другим, более существенным: ПСХ являлись и во многом остаются своего рода стержнем, исходной трудовой основой существования крупных и средних СХО.

Без тех или иных организационно-правовых форм последних, но при сохранении ПСХ, а тем более трансформации их в К(Ф)Х, сельское хозяйство может успешно развиваться. Если же ликвидировать ПСХ (а такие «замыслы» имеются), значит в корне подорвать аграрный сектор экономики и тем самым продовольственную безопасность страны.

Крупные корпоративные сельхозпредприятия, СПК, агрофирмы, агрохолдинги и т.д., характеризующиеся высокой товарностью, базируются на труде членов тех же ПСХ, но за этот труд они получают 50% или значительно меньше и в этом смысле находятся в худших экономических условиях воспроизводства. В целях повышения товарности этих хозяйств, и тем самым обеспечения продовольственной безопасности государства, первостепенной обязанностью последнего является оптимизация этих условий как в части потребления, вознаграждения за труд на уровне не ниже среднего по экономике или в том же приусадебном семейном хозяйстве, так и в части накопления, т.е. поддержания необходимой рентабельности с включением в издержки социально справедливой общественно-необходимой оплаты труда. Основным инструментом такой оптимизации, как показывает опыт стран с индустриально развитым сельским хозяйством, является государственная протекционистская поддержка аграрных цен, что предполагает соответствующую величину и долю аграрного бюджета.

Основные направления оптимизации воспроизводственного процесса

Важным в поддержании оптимальных экономических условий воспроизводства (а таковыми, судя по многократно подтверждаемым научным расчетам, являются соответствующие уровню рентабельности после всех налоговых и прочих вычетов не ниже 25% с включением в себестоимость оплаты труда на среднем по экономике уровне) является кредит, тем более субсидированный, как это практикуется в последний период. Но, повторим, этот кредит, даже если он вообще беспроцентный, надо возвращать, а при нынешнем отсутствии этих условий, фактической убыточности сельского хозяйства средств у большинства СХО в целом практически нет. Следовательно, рано или поздно кредиторскую задолженность придется списывать, на что,

кстати, заранее надеются многие сельские заемщики, стремясь как можно больше заполучить кредитов. А это ведет к общей расточительности ресурсов в условиях нынешней практики кредитования.

Отсюда стратегическим курсом на обеспечение необходимых, социально и экономически оптимизированных условий ведения сельского хозяйства на расширенной основе является оставление в отрасли (или возврат в нее необоснованных фискальных изъятий) адекватной части созданного трудом селян национального дохода. Поскольку эти изъятия в пользу монопольного окружения сельского хозяйства доминируют и в значительной мере оседают в государственном бюджете (прежде всего в форме налогов на физические и юридические лица как сельского хозяйства, так и его партнеров по АПК (заготовителей и прочих посредников, переработчиков, торговцев и т.д. по всей цепочке формирования агропродовольственного рынка) возврат селу необходимой для обеспечения указанного уровня рентабельности части созданного крестьянским трудом национального дохода экономически целесообразно осуществлять через прямые бюджетные назначения преимущественно для поддержки аграрных цен.

Это, кстати, позволит и кардинально изменить кредитную политику, учитывая, во-первых, обоснованное снижение спроса на заемные средства под завышенные, «ростовщические» процентные ставки при наличии собственных накоплений для финансирования текущих, в том числе сезонных, затрат за счет поддержки аграрных цен и, во-вторых, предотвратить заведомую невозвратность кредитов при нынешнем отсутствии этих накоплений. Размеры *дополнительного* возврата необоснованно изымаемого из сельского хозяйства созданного в нем национального дохода, необходимого для оптимизации экономических условий воспроизводства в отрасли, определяются в размере не менее 300 млрд. руб. в год с последующим увеличением до 450-500 млрд. руб., в том числе на прямую поддержку аграрных цен по 150-200 млрд. руб.

Как показано выше, источники для этого более чем достаточны: суммы перекачки превышают суммы *оптимально необходимого* общего их возврата минимум в 2,5 раза. Кроме этого, у государства в целях выравнивания экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве и смежных с ним отраслях и сферах АПК имеются и другие возможности концентрации в аграрном бюджете страны части необоснованно присвоенного этими смежниками созданного в отрасли

национального дохода. О масштабах этого присвоения свидетельствуют дву-трехкратные различия в размерах оплаты труда работников СХО и переработчиков, торговцев, заготовителей и прочих посредников на агропродовольственном рынке, а также соответствующих государственных чиновников.

В общем макроэкономическом плане источниками оптимизации аграрного бюджета страны, следовательно, оптимизации экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве, на которые постоянно указывают многие исследователи, представители законодательной власти, в частности, Председатель Совета Федерации С.М. Миронов, являются: переход на прогрессивную шкалу налогообложения, часть природной ренты, необоснованно присваиваемая собственниками предприятий добывающих отраслей, налог на предметы роскоши, основная часть выручки от продажи земель, прежде всего пригородных, от экспорта зерна и т.д. Эти вопросы с неопровержимыми социально-экономическими обоснованиями постоянно поднимаются в научных публикациях, средствах массовой информации, но власти упорно отворачиваются от них, ограничиваясь «остаточными» подачами.

Конституционно признавая крестьян такой же высшей ценностью, как и прочих членов общества, многие государства или обеспечивают им равные с другими категориями занятых в экономике или, учитывая особые условия труда и жизни в суровых условиях сельской местности, как, например, в Норвегии, осуществляют существенную (около 30 тыс. долларов на каждого сельского жителя), преимущественно «нефтегазовую» добавку занятым в аграрном производстве. Даже в Иране, с его высокзатратными военными и ядерными программами, каждый сельский житель вместе со всем 70-миллионным населением страны получает ежемесячно 80 долл., с тем же уровнем пенсионного обеспечения в 600-800 долл. в год. Иначе говоря, стратегическая установка иранского государства на то, что человек является высшей ценностью государства в части распределения национального дохода, полностью реализуется в отношении крестьянства, до чего, к сожалению, в России еще далеко.

Получая в последние годы не менее «баснословную» прибыль в форме нефтегазовых долларов, Россия имела исторический шанс избавиться от симптомов «голландской болезни» и решительно «продвинуть» сельское хозяйство как особо значимую, а поэтому базовую отрасль экономики в такое социально-экономическое состояние, которое и позволит, по мысли Д. Медведева, превратить

Россию в настоящую мировую «продовольственную державу». Но такое превращение предполагает не общие намерения, пожелания, полумеры, а (как это осуществлялось во многих странах современного мира путём реализации принципа приоритетности сельского хозяйства) создание для селян «достойных», иначе говоря, всех необходимых финансовых и материально-технических условий жизнедеятельности на земле, хотя бы сопоставимых с городскими условиями. Только тогда квалифицированные кадры, молодежь не станут бежать из деревни.

Необходимость действенных мер по обеспечению этих условий с использованием активной государственной протекционистской поддержки сельского хозяйства хорошо усвоили в «союзной» Республике Беларусь, не только декларирующей приоритетное развитие аграрного сектора, но и выделяющей на эти цели 12% общего бюджета страны (против 1,05% в России) и обеспечивающей, благодаря такой политике, не только достаточную продовольственную безопасность государства, но и экспорт в нашу страну значительных объемов качественной молочной и другой продукции АПК. Поэтому за поучительным примером заботы государства о собственном крестьянстве (правда, во многом за счет российских ценовых и прочих преференций) в этой области ходить далеко, т.е. в дальнее зарубежье, не обязательно.

Таким образом, российское сельское хозяйство на деле не стало действительным приоритетом в экономической политике государства. Наоборот, оно подвергается необоснованным фискальным изъятиям результатов крестьянского труда. В итоге в экономике и обществе сохраняется социально взрывоопасный структурный перекосяк: с одной стороны, сотни миллиардов долларов оседали без заметной отдачи в Стабфонде, десятками миллиардов долларов списывались внешние долги и выплачивались собственные за весь бывший СССР, росли вложения на «другие» нужды (юбилейные мероприятия городов, Олимпиаду-2014 и прочие подобного рода в основном городские объекты), на прокладку новых трубопроводов в зарубежные страны, на развитие ВПК, нанотехнологий и прочие, не затрагивающие насущных нужд села приоритеты. С увеличением окладов и численности чиновничьей рати росли расходы на ее содержание, на бывших колхозных полях, равно как Лазурном и других берегах морей и океанов мира, как грибы, неизвестно (или хорошо известно) за счет каких доходов росли коттеджи, виллы, строились и строятся яхты некоторых горожан, появились их многомиллиардные вклады в

зарубежные банки и т.д. С другой стороны, по-прежнему мы наблюдаем технически отсталое, полуразрушенное сельское хозяйство, его «первенство» по бедности, безработице, общему социальному ущербному положению селян и т.д. Невольно возникает вопрос: не получается ли, что вопреки российскому конституционному положению о человеке как высшей ценности российского государства, российский крестьянин остается и обречен далее оставаться второстепенной ценностью и довольствоваться «остатками» не только общего, но и собственного, созданного его трудом национального дохода?

Аграрная политика нуждается в радикальной корректировке

Многие не без основания считают, что в пренебрежении политикой аграрного протекционизма в России, в увлечении методами перекачки, обусловившими масштабные деформации в экономике, угнетающими производственную и социальную сферу села, проявились, если не умышленные, то профессионально ущербные акции экономического блока правительства, прежде всего его финансового ведомства. Более того, это правительство в последние годы и в целом отличалось, по публичному самокритичному заявлению бывшего премьера М. Фрадкова, «коллективной безответственностью», в экономическом блоке которого и были выработаны отмеченные ложные умозаключения о сельском хозяйстве как «черной дыре». Подтверждением этому служат приемы, методы и последствия псевдопротекционистского государственного правового и экономического регулирования сельского развития, итогом которого является остаточное, крайне скудное, а точнее, по словам В. Путина, *недопустимо малое* ресурсное обеспечение провозглашенного приоритета развития сельского хозяйства. Именно поэтому оно вследствие искусственно созданных макроэкономических структурных перекосов и деформаций, фактически почти лишено необходимых собственных источников осуществления расширенного воспроизводства, в первую очередь главной производительной силы – трудового потенциала.

Можно, конечно, и далее проводить такую политику, ограничиваться декларациями и полумерами, продолжать стоять с протянутой рукой у американских, бразильских и прочих зарубежных фермеров, радоваться возобновлению польских поставок мяса, поддерживая производителей импортного низкокачественного продовольствия ежегодными затратами на закупки в сумме свыше 600 млрд. руб. (по валютному курсу 2007 г.), в 6 раз превышавшей федеральную долю

аграрного бюджета за этот год. Но тогда о России как крупной продовольственной державе, о ее продовольственной безопасности остается и впредь «озвучивать» общие, но не наполненные необходимым ресурсным содержанием намерения.

Чтобы эти намерения трансформировать в реальную государственную политику, обеспечивающую оптимизацию экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве, ориентированную на преодоление макроэкономических деформаций и инновационное качественное преобразование ресурсного потенциала отрасли, то в ее формировании и проведении со всей очевидностью выделяются следующие ее стратегические направления: 1) полное финансовое обеспечение оптимальных экономических условий воспроизводства в указанных объективно необходимых и последовательно наращиваемых размерах, прежде всего за счет возвращения селу социально несправедливых и экономически необоснованных изъятий созданного в отрасли национального дохода в пользу монопольного его окружения, а также и государства; 2) разработка и последовательное системное применение действенного механизма рационального использования бюджетных и собственных ресурсов СХО; 3) формирование адекватного этой политике радикально обновленного аграрного законодательства.

Действующий экономический механизм АПК характеризуется крайне низкой эффективностью, вследствие чего и те скудные ресурсы господдержки села по остаточному принципу не дают должной отдачи и в значительных размерах не доходят непосредственно до производителя, тем самым «подпитывая» досужие домыслы о сельском хозяйстве, как о «черной дыре». А это значит, что, преодолевая и ликвидируя политику «перекачки», нужно не только привлекать реальные дополнительные источники увеличения аграрной части государственного бюджета, но одновременно, опираясь на зарубежный опыт, разрабатывать и применять действенный механизм строго целевого использования средств протекционистской поддержки сельского хозяйства со всего его ресурсного потенциала, с ориентацией *на критерий эффективности производства и общее радикальное улучшение условий труда и качества жизни в сельской местности*. Разовые акции по «латанию дыр», поддержке проведения посевных работ, уборочных кампаний и т.д. во многом напоминают советскую практику принятия «исторических» постановлений партии и правительства по селу, да и использования самих ресурсорасточительных методов, затратного механизма их реализации.

Определенные элементы противозатратного механизма отражены в национальном приоритетном проекте «Развитие АПК», в отмеченной выше Государственной программе развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг., в других целевых федеральных и региональных программах социально-экономического развития отрасли и АПК в целом. Однако рычаги и стимулы этого механизма противоречивы, не согласованы и не образуют единой системы. Они не просчитаны с точки зрения внутриотраслевых приоритетов, эффективности, необходимого ресурсного обеспечения, мобилизации в этих целях дополнительных средств, важнейшим источником которых является необоснованно изымаемый из сельского хозяйства созданный в нем национальный доход, а главное, не предусматривают жесткой адресности, персональной ответственности за использование этих средств, за выполнение принятых решений, проектов, целевых программ. В итоге ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции всей системы государственного и хозяйственного управления АПК.

Что же касается действующего аграрного законодательства, то в принципе (особенно с точки зрения обеспечения необходимых условий воспроизводства в сельском хозяйстве на расширенной основе) оно нуждается в серьезной «ревизии», всестороннем обновлении и систематизации. В настоящем виде это законодательство, особенно земельное, мягко говоря, крайне запутанно и вносит неопределенность и элементы произвола в рыночную стратегию развития земельных и всей совокупности аграрных отношений. В стране вообще фактически отсутствует какая-то единая и внятная научно обоснованная система этого законодательства. Нет специального закона или хотя бы специального отдельного раздела в общем «выхоленном» законе о сельском хозяйстве, который бы содержал четкие концептуальные положения, меры и нормы прямого действия по ресурсному обеспечению приоритета сельского развития, по соблюдению ценового паритета, проведению активной политики аграрного протекционизма. Именно протекционистская составляющая, имеющая в настоящий период принципиальное и основополагающее значение для обеспечения приоритетного развития сельского хозяйства, явилась предметом этого выхолащивания.

Совершенно очевидно, что для формирования в России современной государственной политики обеспечения оптимальных экономических условий воспроизводства в сельском хозяйстве необходима серьезная, научно обоснованная долгосрочная ее нормативно-правовая база,

которая основывалась бы на целостной системе аграрного законодательства, устраняя декларативность и противоречивость действующего. Если всерьез решать проблему законодательного обеспечения приоритета и вообще правового регулирования устойчивого, высокоэффективного развития сельского хозяйства, то, опираясь на тот же опыт развитых стран Запада, необходимо разработать и принять полноценный Федеральный Закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. Только такой закон, определяющий и детализирующий, основные направления этой политики с соответствующими государственными целевыми программами и проектами, формами, методами, а главное, размерами и механизмами активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, лоббирования интересов села, мерами ответственности и другими условиями будет на деле содействовать динамичному развитию непосредственно аграрного производства и действительно радикальным изменениям в условиях труда и жизни сельских производителей. Поправки, уточнения, дополнения, прочие «улучшения» разобщенного, бессистемного, противоречивого, до предела запутанного и потому ресурсорасточительного аграрного законодательства будут все более уводить в сторону от решения насущных задач.

* *
*

Конструкторы домыслов о сельском хозяйстве как «черной дыре» в свое оправдание могут сказать, что в условиях возникшего мирового финансово-экономического кризиса, значительного сокращения бюджета страны нужно спасать банковский и прочий крупный бизнес, «накопивший» запредельные суммы российского внешнего долга, в том числе идущие на персональное обогащение руководящей верхушки этого бизнеса, обеспечивать другие, второстепенные в этих условиях проекты, программы, конкретные объекты. Что же касается сельского хозяйства, многострадального российского крестьянства, то здесь действует традиционный подход: пусть оно еще подождет, потерпит, как-нибудь опять выживет, полагаясь на свое приусадебное семейное хозяйство.

Но в условиях циклического экономического развития кризисы закономерно повторяются. И в нынешней глобальной кризисной ситуации развитые страны Запада не следуют этим домыслам и не собираются отказываться от активной политики поддержания необходимых экономических условий воспроизводства в сельском

хозяйстве, акцентируя особое внимание на поддержку непосредственно «живых» доходов фермеров через субсидирование аграрных цен, составляющее в этих странах 70-80% общих сумм господдержки.

Почему же эти домыслы надо вводить в центр государственной экономической политики России, подкрепляя их легковесными, уводящими от решения насущных, «перезревших» проблем села указанными и другими аргументами, в частности, об особом пути, об особой российской «статии», в которую и дальше остается, по словам поэта, «только верить», не думая о последствиях? На этот вопрос можно ответить лишь словами Ф. Энгельса: «когда заговорит желудок – всякие аргументы теряют силу» и, следовательно, когда результаты такой политики могут обернуться пагубными для общества и, в первую очередь для городского населения, последствиями.

Пока недовольство селян очевидным ущемлением своего социального положения выражается в основном пассивно, не переходит в забастовки, голодовки и другие формы массового протеста или просто «заглушается» преимущественно суррогатным алкоголем, потребление которого за 2000-2006 гг. в расчёте на сельского жителя (без учета растущего «выпуска» самогона на селе) увеличилось на 74,3%. Это значительно превышает городские среднедушевые показатели потребления спиртного⁹. Поэтому сельская поведенческая «тишина», как мы знаем из истории, обманчива, да и пассивный протест таит в себе разрушительные симптомы и последствия. Думать, что все «авось» обойдется, что лишений и терпения российскому крестьянству не занимать, сопровождая эту обломовскую думу благими намерениями или полумерами, а тем более указанными домыслами, – значит и далее безответственно «направлять» не только сельское хозяйство, а вместе с ним всю страну на заведомо опасный путь.

*I. BUZDALOV,
Academician of RAAS*

REPRODUCTION OF ECONOMIC CONDITIONS IN AGRICULTURE: STATUS AND PROBLEMS OF OPTIMIZATION

It is considered the prevailing economic conditions of reproduction in agriculture, directions and mechanisms for their optimization. Particular attention is drawn to the continued practice of unjustified exemptions from the sector created a peasant labor in national income in favor of subjects of monopoly environment of the village and the state. It is

⁹ Бондаренко Л.В. Алкоголизация села: миф или реальность? // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008 г., № 2. С. 52-53.

proposed measures to improve the economic conditions of reproduction, aimed at transforming the working conditions and quality of life in modern Russia through the village of radical renewal of the productive capacity of agriculture, social justice payment of peasant labor and bringing a new qualitative condition of the rural social and engineering infrastructure.

Keywords: *economic condition of reproduction, national income, the degradation of the resource potential of the village, «transfer» income of the rural economy, agricultural protectionism, the optimization of the profitability of agricultural enterprises, support for agricultural prices, agrarian legislation.*